

ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА СО РАН
ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
ИНСТИТУТ ЭКОЛОГИИ РАСТЕНИЙ И ЖИВОТНЫХ УРО РАН

ЭКОЛОГИЯ ДРЕВНИХ И ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ

Выпуск 4

Тюмень
Издательство ИПОС СО РАН
2011

ББК 26.820.4
Э 34

Э 34 Экология древних и традиционных обществ: сборник докладов конференции. Вып. 4. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. 361 с.
ISBN 978-5-89181-063-8

В сборнике представлены материалы докладов четвертой Всероссийской научной конференции с участием иностранных специалистов по результатам междисциплинарных исследований в ряде направлений археологии, этнографии, экологии, биологии, палеографии, геологии, гидрологии, демографии, антропологии и культурологии.

Доклады посвящены проблемам взаимодействия человека, природы и общества от становления человечества до современности, новым методикам и результатам реконструкции климата, ландшафтов, фауны, итогам исследований в области палео- и этноэкологии.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. П. Матвеева (д. и. н.), А. Н. Багашев (д. и. н.) — отв. редакторы
В. Н. Адаев (к. и. н.), О. М. Аношко (к. и. н.), П. А. Косинцев (к. б. н.)
А. В. Матвеев (д. и. н.), Н. Е. Рябогина (к. г.-м. н.)

Утверждено к печати
Ученым советом Института гуманитарных исследований
Тюменского государственного университета

ISBN 978-5-89181-063-8

© Институт гуманитарных исследований
ТюмГУ, 2011
© ИПОС СО РАН, 2011

болванках нужного профиля. В большинстве случаев холоднаяковка умело сочеталась с циклами промежуточных нагревов – отжигов, для восстановления снижающихся пластических свойств меди. Вместе с тем процент бракованных изделий достаточно высок. Примерно половина изделий имела кузнечные дефекты. Кузнечный брак связан с несоответствием режимов термообработки составу металла, выражающееся в красноломкости металла, его повышенной хрупкости. Данные микроструктурного анализа свидетельствуют о том, что чистолебяжские литейщики находились в стадии эмпирического поиска оптимальных режимов обработки легированных оловом бронз, а их применение еще не было столь широким как, например, в Хрипуновском могильнике.

Принадлежность Чистолебяжского могильника к кругу алакульских памятников, а не петровских бесспорна (на примере пос. Кулевчи-3). Он более архаичен по сравнению с Хрипуновским, отражением чего явилась металлообработка этих памятников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлопроизводство петровских племен (по материалам поселения Кулевчи 3) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПСО СО РАН, 2001. № 3. С. 23-54.

Кузьминых С.В., Черных Е.Н. Спектроаналитическое исследование металла бронзового века лесостепного Притобья (предварительные результаты) // Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притобья. М.: Наука, 1985. С. 346-367.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998.

Е. М. ЧЕРНЫХ

Удмуртский государственный университет

Ижевск, Россия

ОРИГИНАЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ КОСТИ И РОГА С ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПРИКАМЬЯ: К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ

Определить назначение многих предметов из кости легко ввиду их узнаваемости. Вместе с тем, в коллекциях многочисленных памятников имеются изделия, функциональная атрибуция которых остается достаточно спорной. К числу таковых относятся и прикамские лопатки-тупики. Это название закрепилось за этой, весьма своеобразной, категорией ананьинского инвентаря сравнительно недавно (по всей видимости, в региональной литературе его первым употребил А.Х. Халиков в работе 1977 г.), хотя, как представляется сегодня, не совсем правильно. По последним данным, на памятниках бассейна р.Вятки известно около 50 экземпляров лопаточек. Все известные здесь находки происходят из культурного слоя городищ [Ашихмина, Черных и др., 2006, с. 50-51]. Материалом для изготовления лопаток служил рог лося и северного оленя (определение П.А. Косинцева), как исключение, кость (2 предмета). Конструкция лопаточек в общем-то единообразна – она включает рукоять и собственно лопаточку-пластину. На рукояти почти половины изделий имеется отверстие диаметром 4-7 мм. По формальным признакам различаются лопатки с втульчатой (группа 1), стержневидной («глухой») и плоской рукоятью [Ашихмина, Черных и др., 2006, с. 50-53, табл. 7]. Лопатки первой группы, с втульчатой рукоятью, кроме Вятки, представлены на раннеананьинских памятниках Волги и Нижней Камы (Сорочьи Горы, Казанка I, Копани, I Новомордовский и VII Измерский могильники). Ареал лопаток с плоской рукоятью ограничивается, главным образом, памятниками Вятки, Верхнего и Среднего Прикамья.

Различаются лопатки формой пластины – прямоугольной, треугольной, трапецевидной, Г-образной и Т-образной. Некоторые изделия имеют усложненную форму за счет выступов на рукояти или пластине – дополнительных конструктивных и одновременно декоративных элементов. Наибольшим разнообразием и

многочисленностью отличаются лопатки с плоской рукоятью (80% выборки) и трапецевидной пластиной. Судя по известным аналогиям среди материалов других территорий АКИО (Нижняя и Средняя Кама, Ветлуга), их можно рассматривать в качестве общепаннобинского типа. Лопатки с плоской рукоятью и прямоугольной пластиной известны только на Вятке, очевидно, они представляют собой собственно вятский вариант. Примечательны и лопатки необычной Г-образной и Т-образной формы. Кроме Вятки, они известны также в Пермском Прикамье и в Зауралье [Мошинская, 1965, табл.10]. Весьма характерной деталью, присущей вятским лопаткам, является контурное оформление их рукоятей (30% от всей выборки) и пластин (29%) выступами. Если присутствие выступов на рукоятях лопаток еще изредка встречается и на других территориях, то выступы на пластине (рис. 2-3, 6) – типично вятская черта.

Следует отметить факт присутствия некоторой стандартизации в метрике изделий. Общая длина втульчатых лопаток составляет 9-16,5 см, при длине рукояти 4,5-9 см. Соотношение длины рукояти и пластины выглядит в среднем как 2:1. Размеры лопаток с «глухими» рукоятями близки втульчатым экземплярам. Лопатки с плоской рукоятью отличаются в целом более мелкими размерами (общая длина 3,5-10 см), но и более крупной пластиной. Отношение длины рукояти к длине пластины обратное – 1:2,5. Установленные пропорции, очевидно, демонстрируют определенную функциональную обусловленность изделий, возможно, следование некоторому эталону.

Если один из первых публикаторов ананьинских древностей А.А.Спицын в гипотетической форме высказался за использование лопаток как инструментов для обработки кожи [1893, с. 43], то впоследствии ученые соотносили эти предметы однозначно только с этой сферой жизнедеятельности [Tallgren, 1919, с. 117; Збруева, 1952, с.65; Халиков, 1977, с.155]. Правда, имели место и иные высказывания. Например, Л.И.Вараксина обратив внимание на нарядность некоторых изделий, предположила, что они могли использоваться в качестве украшений [1929, с. 95]. Определенное сомнение в исключительной утилитарности лопаток высказывал и О.Н.Бадер [1951, с.129]. В научной литературе можно встретить высказывания об использовании лопаток в бортничестве [Патрушев, 1986, с.14], или как предметов личной гигиены [Марков, 1987, с. 113-114; Коренюк, Мокрушин, 2003, с. 13].

Существующий в археологии метод экспериментально-трасологического анализа орудий, многократно апробированный на различных категориях древних орудий, позволяет с достаточной точностью определить назначение многих предметов. Инструментальное исследование серии вятских лопаточек показало многообразие следов сработанности на них и, как следствие, вариантов использования. Работа с бинокулярным микроскопом позволила выявить следы сработанности лишь у 13 (из 23-х) предметов. 10 изделий в виду плохой сохранности, особенностей микроструктуры кости, либо фрагментарности, определению не поддаются. Среди атрибутированных лопаточек четыре были определены как инструментально-лощила, для работы по дереву или с травянистыми поверхностями. Рабочее лезвие их затуплено, выщерблено, объемные следы-линии расположены перпендикулярно рабочему краю и имеют яркую заполировку блестящего белого цвета, особенно выраженную на лезвии. Поскольку эксперимент в данном случае не проводился, можно лишь предполагать вероятность использования данных орудий для распрямления и разглаживания берестяных или лубяных полос, необходимых в хозяйстве для плетения предметов домашней утвари.

Почти третья часть проанализированных предметов (7) имела выкрошенный затертый край, с источенными из-за интенсивного использования гранями, расположенные беспорядочно объемные следы-бороздки, а также яркую, до зеркального блеска, заполировку, что характеризует орудия для работы с глиной. К сожалению, ни экспериментальных данных, ни этнографических аналогий применения подобных лопаточковидных орудий в керамическом производстве найти не уда-

лось. Гончары Вятской губернии в XIX в. в своей работе пользовались тонким деревянным ножом и сырым полотенцем [Материалы..., 1891, с. 237].

Лишь 2 предмета имели заполировку и следы, характерные для работы с материалами животного происхождения – истертый, истонченный рабочей край и периодически затачиваемое лезвие. Возможно, именно такие лопаточки и могли выполнять функцию тех самых тупиков, что использовались для обработки шкур некрупных животных. Любопытно, что одна из лопаток с Буйского городища даже внешне воспроизводила форму башмака типа поршня, украшенного аппликацией [Ашихмина, 2003, с. 144-150]. Такие орудия могли использоваться и как предметы туалета. К примеру, хорошо известно применение лопатковидных орудий у некоторых сибирских народов в качестве чесалок для спины.

Показательно, что практически все изделия, определенные как орудия производств, не имели следов декорирования. Тогда как среди вятских лопаток доля орнаментированных довольно высока. Почти все доступные для анализа декорированные предметы не имели следов сработанности, за исключением области отверстия. По всей видимости, эта группа лопаток могла использоваться как подвески-амулеты, или в ритуальной сфере. Так, в погребальной обрядности западно-сибирских народов деревянные лопаточки, заменявшие ложки, укладывались при захоронении вместе с умершим, сопровождая его в другой мир [Мошинская, 1953, с. 95]; имеются и археологические свидетельства таких обрядов [Матвеева, 2003, с. 110]. Кроме того, очевидна их важная роль в ритуалах «кормления» богов, отчего в местах принесения жертвоприношений, например, у манси, встречалось много подобных лопаточек. Устьполуйские ложки-лопаточки по форме и размерам, как уже говорилось, в некоторой степени близки ананьинским.

Благодаря наблюдениям за планиграфией находок удается установить высокую частоту встречаемости лопаток в культовых комплексах. Правда, значительная часть декорированных лопаток происходит из дореволюционных раскопок Пижемского городища (11 экз.), установление их контекста не представляется возможным. Но думается, что столь явное сосредоточение нарядных тщательно изготовленных лопаток на одном памятнике не является случайностью. Тем более, что А.А.Спицын и А.С.Лебедев упоминали в своих публикациях огромные скопления костей животных в слое городища. Раскопки, проводившиеся на других поселенческих объектах АКИО – Буйском, Аргъжском, Никульчинском, Кривоборском городищах – дали многочисленные следы сложной культовой деятельности ананьинцев в пределах жилых площадок. Так, на Буйском городище находки лопаток были приурочены к южной части площадки, в местах концентрации части жертвенников и производственных комплексов. Три лопатки с Аргъжского городища найдены в жилых, а одна – в производственном сооружении. На святилище Тарасово лопаточка обнаружена в заполнении культовой канавы [Коренюк, Мокрушин, 2003, с. 12]. К сожалению, на Вятке не известны до сегодняшнего дня ананьинские могильники, чтобы провести параллели с местоположением интересующих нас предметов в погребальных комплексах.

В известных раннеананьинских некрополях находки лопаточек единичны. Имеются сведения о лопатках, найденных в погр.17 Новомордовского-I могильника и в обнажении берега на площадке Измерского-VII могильника [Казаков, 1994, с. 109, рис. 4-5]. Лопатка из новомордовского погребения обнаружена на лучевой кости левой руки вместе с «астроголом коровы и бабкой лошади» [Халиков, 1975, с. 254, рис. 3-13]. Контекст, как видим, достоин семантической дешифровки. Оба могильника датированы авторами не позднее VII в. до н.э. В это же время начинают формироваться культурные слои на вятских ананьинских городищах, откуда происходит самая большая коллекция лопаток.

Продолжение данной традиции мы находим в пьяноборскую эпоху, в могильниках караабызского, чегандинского и худяковского круга. Наиболее ранний горизонт пьяноборских лопаток (IV-II вв. до н.э.) определяется грунтовыми погребениями

ниями Шиповского могильника в Башкирии. Как следует из опубликованных материалов, можно говорить о непосредственной связи находок исключительно с мужскими захоронениями [Пшеничнюк, 1976, с. 64]. Отмечается общая закономерность в местоположении лопаток относительно костяков – это область ног. Типологически они однообразны и представлены предметами с втульчатой рукоятью и пластиной трапециевидной формы, иногда с вырезами-«усами» в месте перехода лопасти в рукоять. Характерно, что в бассейне Вятки лопатки с втульчатой рукоятью и подтреугольной пластиной также происходят из мужских погребений [Лещинская, 2000, с. 30, 35-37]. Ошкинский могильник датирован Н.А.Лещинской концом I – началом IV в. н.э. [2000, с. 10-11]. В тот же временной интервал укладываются находки лопаточек в раннечегандинских могильниках Юлдашевском (погр. 38 [Пшеничнюк, 1986, с.56, рис. 5-5]), Кушулевском-III (погр.39; [Агеев, Мажитов, 1986, с. 94, рис. 14-11]) и Ново-Сасыкульском (2 экз.; [Васюткин, Калинин, 1986, с. 117, рис. 18-11]), где все известные мне экземпляры также имели втульчатую рукоять. Лишь в одном случае указано местонахождение предмета – в Юлдашевском могильнике лопатка найдена в изголовье костяка, справа. Отсутствие декора на пьяноборских лопатках отличает их от ананьинских. Очень нарядно выглядят устькамские сорочьегорская и измерская лопаточки, покрытые поясками ромбов на фоне заштрихованных лент. Но пальму первенства в украшении лопаток, безусловно, следует отдать вятским экземплярам. Из общей выборки вятских лопаток 24 изделия (42%) представляют собой образцы изобразительного искусства. Поражает разнообразие технических приемов декорирования: резной, граффити, плоскорельефная и объемная резьба, довольно часто в сочетании друг с другом. При украшении лопаток мастера использовали геометрические, зооморфные и антропоморфные мотивы. Геометрический орнамент представлен зигзагами, горизонтальными линиями, треугольниками, точками, при этом элементы никогда не сочетаются на одном изделии, а используются в отдельности. В технике граффити выполнены различные тамгообразные знаки, символические фигуры и сюжетные рисунки. Особенно выразителен рисунок на лопатке с Пижемского городища, изображающий бегущего хищника, скорее всего, волка. На миниатюрном предмете с Аргяжского городища изображен олень с подогнутыми, как в скифском искусстве, ногами и ветвистыми рогами. «Змеиный» мотив угадывается в декоре лопатки с Буйского городища. Змейка в бордюре вырезана вдоль боковых граней лопатки и на муфте. Изображение очень выразительное, с тщательной детализировкой. Довольно сложны для прочтения экземпляры, общий абрис которых дает лишь визуальное ощущение зверя или человека. Восприятию этих образов способствуют выступы на рукояти и пластине. Изображения выполнены в условно-стилизованной манере. Фигуры очень схематичные, но с четким разграничением верхней и нижней части тулова, напоминающие человека. Отдаленное стиливое сходство напрашивается с ананьинско-пьяноборской глиняной пластикой [Колобова, Черных, 2006]. Зооморфные изображения, в отличие от антропоморфных, угадываются скорее по форме выступов, напоминающих головы и тела животных – лося, зайца, медведя. Столь богатая гамма узоров и образов, безусловно, должна была нести какую-то смысловую нагрузку. Представляется, что семантика декорированных лопаток при условии ее разгадки, может существенно обогатить наше знание тех обрядов и ритуалов, частью которых они, несомненно, являлись.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. III Кушулевский могильник пьяноборской культуры // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986.
- Ашихмина Л.И. «Модели» древней обуви с территории финно-угров // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2003.
- Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н.э.). Ижевск, 2006.
- Бадер О.Н. Городища Ветлуги и Унжи // МИА. №22. М., 1951.

- Вараксина Л.И. Костеносные городища Камско-Вятского края // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1929. Т. 34. Вып. 3-4.
- Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986.
- Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. №30. М., 1952.
- Казаков Е.П. Измерский-VII могильник // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994.
- Коренюк С.Н., Мокрушин В.П. Археологические памятники на Земле Пермской. Пермь, 2003.
- Лещинская Н.А. Ошкинский могильник – памятник пьяноборской эпохи на Вятке // Научные доклады сотрудников Камско-Вятской археологической экспедиции. Препринт. Вып. 2. Ижевск, 2000.
- Марков В.Н. Городище Гремячий Ключ // Древности Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1987.
- Матвеева Н.П. Новые памятники бронзового и раннего железного века // Древности Ингальской долины: археолого-палеографическое исследование. Новосибирск, 2003. Вып.1.
- Материалы по описанию промыслов Вятской губернии. Вятка, 1891. Вып.1.
- Мошинская В.И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // Древняя история Нижнего Приобья / МИА. №35. М., 1953.
- Мошинская В.И. Археологические памятники Северо-Западной Сибири // САИ. Вып. Д3-8. М., 1965.
- Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала. Уфа, 1976.
- Пшеничнюк А.Х. Юлдашевский могильник // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986.
- Халиков А.Х. I Новомордовский могильник // Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975. С. 248-259.
- Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа VIII-VI вв. до н.э. М.: Наука, 1977.
- Черных Е.М., Колобова Т.А. Глиняные фигурки Зуевключевского I городища и некоторые вопросы их назначения и семантики // РА. 2006. № 4.
- Tallgren A.M. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale // SMA XXXI. Helsinki, 1919.

А. С. ЯКИМОВ, О. Ю. ЗИМИНА
Институт криосферы Земли СО РАН
Институт проблем освоения Севера СО РАН
Тюмень, Россия

ГЕОХИМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ПАМЯТНИКЕ – ГОРОДИЩЕ ВАК-КУР-2

В переходное время на юге таежной зоны отмечается снижение роли производящих отраслей и возрастание значения охотничье-рыболовных промыслов, что связывают с природно-климатическими изменениями и продвижением таежных коллективов на юг в зону лесостепи [Косарев, 1981, 1984]. Однако памятники иткульской культуры, локализующиеся в Нижнем Притоболье на границе лесостепи и тайги, представляют довольно скудные данные о хозяйственной деятельности населения, находки костей животных в культурном слое памятников единичны [Зими́на, Зах, 2009]. В этой связи, трудно оценивать не только соотношение и роль присваивающих и производящих отраслей хозяйства, но и что-либо утверждать об их наличии – только привлекая аналогии. Для решения проблемы существования производящих отраслей, в частности скотоводства, у населения иткульской культуры в Притоболье, мы исследовали геохимическое состояние культурных слоев на одном из опорных памятников восточного варианта иткульской культуры – городище Вак-Кур-2 и провели их сравнительный анализ с современным почвенным покровом.

Городище Вак-Кур-2 находится в Ярковском районе Тюменской области и расположено на правом берегу р.Тобол. По археологическим данным оно относится к переходному времени от бронзового к раннему железному векам, датировано VI в. до н.э. Материалы его послужили основой для выделения ваккуровского этапа восточного локального варианта иткульской культуры. Городище состоит из двух площадок (малой и большой) и селища. На них фиксируются остатки наземных жилищ в виде приподнятых площадок [Зими́на, Зах, 2009]. Особо